

О МОЕМ СТАРШЕМ ДРУГЕ, которому теперь я почти ровесник

Владимир Кошкин

Жаль, что в наше время не ведут дневники, как это делали в девятнадцатом веке. Жаль, потому, что мы теряем живость воспоминаний - детали сглаживаются.

Между тем, есть *долг памяти*, если человек, нам ее завещавший - личность, которая оставила "глубокий, прочный след в твоей душе - на много лет". Это из Леонида Мартынова, поэта, творчество которого Яков Евсеевич знал и любил.

Есть еще и особый *долг памяти* у тех, кого одарили своей дружбой люди, оставившие след не только в памяти близких, но и в памяти идущих за ними поколений. Мы, знавшие их, *обязаны* передать свои воспоминания тем, кто следует уже за нами. Именно детали жизни крупных личностей, когда их уже канонизировало общество, становятся предметом интереса для исследователей природы творчества, для молодых людей, ищущих "делать жизнь с кого". Но "канонизация" наступает чаще всего уже после того, когда присматриваться к деталям уже поздно...

Они жили рядом. С нами ели. И пили с нами. Болели гриппом. Сетовали, что страдают от сенной аллергии... Они были такими же, как мы - в обыденности. В минуты ИХ вдохновения, мы сознавали, что рядом - личность, которая останется в истории. Но откровения редки. Чаще бытовые детали, ежедневный обмен банальными житейскими сентенциями заслоняет главное, и мы не видим вблизи то, что становится очевидным с расстояния долгого времени, когда житейские мелочи уже не заметны, а крупные черты вырисовываются, чтобы остаться навсегда.

Жизнь каждого, как портрет кисти импрессиониста, состоит из множества мелких (обиходных, случайных, почти произвольных) мазков. И только отойдя от картины достаточно далеко, обнаруживаешь, что перед тобою грандиозное изображение, переливающееся всеми - уже неразличимыми в отдельности маленькими (бытовыми!) фактами - мазками. Таковы портреты крупных личностей - их распознают с расстояния. "Импрессионизм" быта личностей заурядных так и остается набором неупорядоченных, чаще всего, мало выразительных мазков - история не распознает рисунка никогда.

Яков Евсеевич Гегузин был личностью, масштаб которой все более значим со временем. Он был одним из немногих, кто формировал интеллект, научную этику и научную эстетику многих ученых, следовавшего за ним поколения. Я имею в виду не только докторов наук и несколько десятков кандидатов наук, которых он вырастил и даже не сотни студентов, впитавших - в меру человеческих свойств каждого - дух захватывающей романтики научного исследования, которая была эмоциональным стержнем жизни профессора Гегузина. Его нет с нами уже 15 лет, но его монографии и его книги с М. А.

Кривоглазом и Ю. С. Кагановским цитируют до сих пор. Я не ставлю перед собою цель дать обзор научного творчества Гегузина, но хочу проследить природу удивительно сильного влияния его личности.

Значение Гегузина, конечно, не исчерпывается только идеями, которые он внес в физику, хотя их и много: диффузионная зона, движение макроскопических включений в кристаллах, массоперенос на поверхности твердых тел, диагностика треков от частиц высоких энергий в кристаллах, современная физика спекания...

Профессор В. И. Фистуль из Москвы, один из создателей современной науки о легированных полупроводниках, рассказывал мне, что его студенты готовились к экзамену по физике твердого тела по научно-популярной книжке Я. Е. "Живой кристалл". Студенты сами нашли эту книжку. Почему, если есть десятки великолепных и строгих учебников по этому предмету? Вот почему. Гегузин обладал даром быть образно ярким и столь же точным одновременно в словесном описании даже весьма сложных научных проблем. Он обладал поразительной способностью рассказчика - и в устном и в письменном исполнении. Его лекции по общей физике, которые он читал для будущих математиков в начале его педагогической карьеры, посещали и будущие физики - чтобы послушать Гегузина.

Бернард Шоу говорил, что написать "Да" можно только одним способом, а сказать "Да" - пятьюстами. Шоу хотел подчеркнуть, насколько сложно ремесло писателя по сравнению с трудом актера. Когда читаешь Гегузина - слышишь, его голос. Это редкий дар - передать интонацию с помощью алфавита. Это умели делать Бабель и Зощенко. Кроме Гегузина, я знаю только одного ученого, это знаменитый химик профессор Ю. Я. Фиалков из Киева, книги которого, как и книги Я. Е., написаны так, что слышна *интонация*. Наверное, этой способностью обладал и Ричард Фейнман, даже в переводах можно услышать интонации автора.

Я знал интеллигентские семьи, где в репертуаре семейного чтения вслух с детьми-подростками была книга Гегузина "Капля" - наряду с Киплингом, Буниным и "Белыми одеждами" Дудинцева.

Я. Е. очень серьезно относился к жанру научно-популярной литературы. Когда-то "Литературная газета" приводила рейтинг научно-популярных книг за год по оценкам самых известных ученых. Не вспомню уже, в каком году, "Капля" Гегузина заняла первое место. Я. Е. был особенно рад комментарию В. Л. Гинзбурга по поводу этой книги.

"Почему и как исчезает пустота" - книжка, которую Я. Е. любил больше всех других из его популярных изданий. Это - драматическая история столкновения идей и становления истины в науке о спекании, написанная одним из непосредственных участников этих коллизий, длившихся пятьдесят лет. Изумительная книга, еще при жизни Я. Е. ее перевели в США. Только так и можно внести гуманистическое начало в сухие формулы науки!

Многие свои книжки перед тем, как послать их в печать, Я. Е. показывал мне - я до сих пор этим горжусь. Вряд ли я мог что-либо улучшить в изложении Мастера - Якову Евсеевичу просто нужен был собеседник, более или менее

компетентный. Прочтя рукопись "Почему и как...", я сказал Я. Е. что-то в таком духе: "Вот если бы Вы написали "Почему и как родилась Вселенная" в том же ключе, это стало бы мировым бестселлером. Такие эмоции может породить только наука, спорящая с Богом, или, по меньшей мере, наука, которая задает Ему вопросы. Страсти по творению и страсти по спеканию различны по значимости..." Лучше бы я этого не сказал! Долго еще после этого Я. Е. возвращался к обсуждению моих опрометчивых слов.

Теперь-то я понимаю, насколько я тогда ошибался. Конечно, "Ярче тысячи солнц" Юнга или "Первые три минуты" Вайнберга - книги об атомной бомбе и о происхождении материального мира интересны более широкому кругу читателей. Но на самом деле, процессы становления любой науки одинаковы, это почти не зависит от объекта науки. История науки - столкновение идей и личностей, которые формулируют эти идеи. Это история триумфа и краха, и снова - краха и триумфа и идей, и людей. Жизнь идей становится смыслом жизни людей. Это первым показал Даниил Семенович Данин. Этот замечательный писатель был первым, кто обнаружил новую сущность человеческих взаимоотношений в новой для человечества эре, когда наука стала, по меньшей мере, одной из главных сущностей, определяющей не только судьбы личностей, которые ей себя посвятили, но и судьбы мира, в котором мы живем. Эта эра кончается, не прожив и полутора столетий...

Данин видел науку извне. Драматизм науки - взгляд изнутри: в этом Гегузин один из первых. Я имел честь несколько раз беседовать с Д. С. Даниным. Он высоко ценил книги Гегузина. "Почему и как исчезает пустота" останется памятником того уходящего в прошлое времени, когда идеи, безвозмездно обнародуемые, а не патенты, ждущие денежных вознаграждений, были мерилем успеха, и "роясь в сегодняшнем...", наши потомки поймут эмоции их предков, посвятивших себя наукам - накоплению идей, а не денег. Почти не важно, какое место занимает объект творчества ученого. "Не место красит человека, а человек его красит". Масштабы осуществлений соответствуют масштабам способностей, а не точке их приложения. Это продемонстрировал Я. Е. в книге "Почему и как...". Теперь-то я понимаю... Но тогда я сказал то, что *не должен был говорить. должен был не говорить*. Ему было больно. Он этого не заслужил.

Но как ничтожно мало он "заслужил" в официальном, советском признании. Гегузин был одним из немногих ученых Украины, удостоенных международного признания. Первая из учрежденных в Европе премий имени Френкеля по физике спекания была присуждена профессору Гегузину. Его имя и еще немного имен составляли международную известность науки Украины. Но Гегузин не был членом Академии наук Украины. Он был гордым человеком, он никогда не стал бы просить об этом сам. Как могло случиться, что единственная правительственная награда, которой "был удостоен" Гегузин - низшая из возможных по советской "табели о рангах" - "Медаль за трудовые заслуги"? Партийные функционеры того же Харьковского университета были отмечены более "весомыми" знаками признания.

Яков Евсеевич показывал мне эту медаль вскоре после ее вручения. Может быть, вы помните финал кинофильма Г. Чухрая "Чистое небо", когда герой Урбанского разглядывает на ладони свою "Звезду Героя", которую вручила ему страна за подвиг, сполна произдевавшись перед этим над его судьбой. Я и сейчас вижу лицо Я. Е., когда он показывает мне эту медаль. Мне кажется, ему было противно. А мне было обидно за него и стыдно за страну, нашу с ним родину. В нашей стране - в России ли, в Украине ль - ученый никогда не оказывался героем при жизни, лишь потом, посмертно, его причисляли к лику...

В советское время государственного антисемитизма Гегузин, хоть и коммунист, все-таки оставался евреем, и это перевешивало любые его научные заслуги, как бы велики они ни были. (Замечу, что заявление о приеме в правящую партию Я. Е. подал во время Отечественной войны, после того, как ему дважды отказали в прошениях пойти в действующую армию. Я отвергаю сталинский коммунизм - не только из общих посылок, но и из обстоятельств моей личной биографии. Но и сейчас я с уважением отношусь к тем коммунистам, которые вошли в эту организацию в годы Великой Отечественной, когда быть коммунистом означало не привилегии и карьеру, а самоотдачу, безвозмездные обязанности и опасность) .

Он "недобрал" (по терминологии партийных функционеров) в знаках государственного признания, в "орденах и бантах" (по Бернсу - Маршаку) несомненно из-за национальной политики советской власти. Было ли это существенным для Я. Е.? Признание действительно важно для людей творческих профессий - как аплодисменты актеру после спектакля. Я. Е. понимал, почему советская власть не очень ему аплодировала. Признанием же научного сообщества и интеллигентной публики, которая после Хрущевской оттепели обрела ощущение некоторой свободы (эфемерной, на самом деле) , Я. Е. не был обделен.

Я. Е. был старше меня на 18 лет. Мы познакомились в 1969 году, когда я просил Я. Е. выступить оппонентом при защите первой моей аспирантки. Я, конечно, знал Я. Е. и раньше, а он меня, разумеется, нет. Гегузин - оппонент - это что-то особенное, как сказал бы Бабель. Если работа ему нравилась, выступление Я. Е. становилось блестящим спектаклем. Яков Евсеевич "заводился" и начинал разбрасывать собственные идеи в связи с диссертацией, которую он рецензировал (или не в связи с нею!). Если Гегузин соглашался стать оппонентом - можно было быть уверенным, что зал заседания будет заполнен. Публика приходила слушать Гегузина.

Поразительно быстро мы сблизились. Я был приглашен в дом, тогда еще на Армянском переулке. И в течение последующих семнадцати лет этот дом - Яков Евсеевич, Суламифь Ароновна и Светлана - был для меня родным. Я. Е. был моим мудрым советчиком во всем, важном для меня, не только в науках, разумеется. Он был моим старшим другом. Мне кажется, он тоже видел друга во мне.

По возрасту я мог бы быть его учеником...

Учитель и ученик. Как-то Я. Е. показал мне список тем книжек и статей, которые он хотел бы написать. Одна из тем - "Учитель ученого". Эта тема занимала его всегда. Один из моральных аспектов науки.

В физике спекания Яков Евсеевич считал себя учеником крупнейшего ученого профессора Б. Я. Пинеса, и Я. Е. всегда подчеркивал это. Что такое талантливый ученик рядом с учителем? С учителем, который совсем не эксплуататор интеллекта своего ученика, не тот, кто ставит свое имя в титрах уже готовой статьи, сделанной младшим коллегой (что, к сожалению, стало очень частым явлением в наше время), а тот, кто сам продолжает интенсивно работать в науке? Как непросто могут быть их взаимоотношения! Теперь, когда я почти догнал Я. Е. по возрасту, я еще острее понимаю эту проблему.

Пинес, автор одной из двух теорий спекания, предложил своему младшему коллеге Гегузину развивать его, Пинеса, физическую модель. Эта модель действительно многое объясняла. Но существовала и альтернативная модель Я. И. Френкеля. Б. Я. Пинес хотел увидеть торжество собственной теории - это естественно для каждого ученого. Позднее оказалось, что каждая из моделей описывает разные черты явления. Как сказал бы Соломон, "и ты прав, и ты прав", но это выяснилось много позднее, и огромную роль в этом сыграл именно Я. Е.. Пинес предлагает Гегузину заняться физикой спекания. Я. Е., с одному ему свойственным экспериментальным изяществом, используя, главным образом, микроскоп (другой "техники" у советского экспериментатора тогда просто не было), начинает ставить опыты, в которых Природа давала недвусмысленные ответы на вопросы, поставленные ей Гегузиным.

Способность ставить вопросы Природе так, чтобы ответы были однозначны - это и есть искусство экспериментатора. В двадцатом веке эксперимент стал коллективным действием, а индустриальная мощь заменила и Галилееву изысканность, и Фарадееву прямоту постановки опытов. Эксперимент и экспериментаторы потеряли индивидуальность.

Только не Гегузин! Он был одним из последних Экспериментаторов с заглавной буквы - романтическим рыцарем "ниточек и сургуча" - а не командармом синхрофазотрона. Кто знает, может быть сейчас, когда в России и в Украине нет средств на науку, новое поколение физиков будет вынуждено вернуться к "романтическому" микроскопу 19-го века... Впрочем, в ближайшем будущем это не предвидится: мы растеряли то небольшое положительное, что дала советская система своему народу - образованность населения и высокий уровень научных исследований. Пятнадцать лет выдавливания науки из общества невосполнимы и необратимы. Потеряна преемственность научных поколений. Теперь все начнется для нас с нулевой отметки. Впрочем, не с нулевой, а с отрицательной, потому что преподавать науки нашим внукам и правнукам будут очень слабо подготовленные и в большинстве своем не очень способные люди. Способные идут теперь по коммерческой стезе...

Может быть, я завидую Я. Е.: он уже не увидел этого крушения. Ведь и он и я, евреи - мы люди русской культуры. Мы любили нашу родину, как бы жестоко она с нами ни обходилась.

Итак, Я. Е. стал получать результаты, которые далеко не всегда совпадали с предсказаниями учителя. Это вызывало конфликты. Пинес считал, что постановка экспериментов неправильна. Но Гегузин получал все новые результаты, и конфликт приобретал не только научную, но и личностную окраску... Гегузину пришлось уйти с кафедры Пинеса. (Заметьте, пожалуйста, Борис Яковлевич Пинес - тоже еврей. До какой степени подлы сентенции наших доморожденных антисемитов о том, что евреи "тащат друг друга в науку, оттого-то их в ней так много!". Государственного антисемитизма сейчас в Украине нет, но бытовой - остается и сейчас. Так что подождем с экстраполяцией).

Защита докторской диссертации Гегузина в 1959 году обещала быть захватывающим зрелищем. Это понимали не только взрослые физики. В 1959-том я только что закончил университет (и работал на заводе, поскольку моя любимая родина не позволила мне работать в науке), но прибежал на предстоящую защиту.

Научная и студенческая общественность соперничала Я. Е., и все мы понимали, что Пинес выступит против. Новая физическая аудитория (в ней 250 сидячих мест) была переполнена. После сорокаминутного блестящего доклада Гегузина, выступает Пинес с прокурорской (между прочим, тоже блестящей) речью, длившейся несколько больше часа и не оставлявшей, казалось, живого места ни от диссертации, ни даже от диссертанта как такового. В аудитории - ватная тишина, и Ученый секретарь начинает зачитывать отзывы на автореферат диссертации (тогда принято было так делать: защиты диссертаций, особенно докторских, были - на самом деле! - защитами идей, которые декларировал диссертант).

Первый отзыв - от академика Ивана Васильевича Обреимова (физика, знаменитого хрестоматийно, еще при жизни, одного из первых директоров УФТИ, разумеется, отсидевшего свое в сталинское время, а еще легендарно остроумного человека). Отзыв очень положительный. Конечно, я не помню его содержания, но концовка отзыва была приблизительно такой. "Я понимаю, что сейчас выступит профессор Пинес и скажет вам, что все, что рассказывал Гегузин - полная ерунда. Я Борю знаю давно, физик он прекрасный, но уж больно непримирим к чужим результатам, особенно хорошим. Простите его. Академик АН СССР Обреимов". Тишина аудитории вспыхнула громогласным хохотом, как вата от брошенной спички! - ведь Пинес УЖЕ выступил... Напряжение - как рукой сняло. Восторженные выступления официальных оппонентов Ребиндера, Лифшица и Архарова, яркие, как и сама диссертация, дали стопроцентный результат голосования - следовательно, даже Пинес проголосовал "за".

Я знаю, что в последние годы больного Пинеса самым частым его посетителем был непокорный продолжатель его дела. И имя Б. Я. Пинеса в науке канонизировано именно воспоминаниями о нем, написанными Я. Е. Гегузиным.

Учитель и Ученик. Бывают и другие взаимоотношения, с другой, совсем не с интеллектуальной подоплекой. Как это больно, узнать от любимого ученика,

тобою выпестованного, того, кого ты сделал соавтором своих идей, того, кто демонстрировал тебе и благодарность и преданность, как это больно узнать после десятка лет теснейшего сотворчества, и как казалось учителю, дружбы как это больно узнать, что Эдипов комплекс - в науке он тоже существует питал совсем другие чувства ученика к учителю: зависть и даже ненависть. Яков Евсеевич как учитель имел и такой опыт. Он меня предупреждал, что и я его получу. Я не внял его предостережениям, но опыт действительно получил. Сполна. Наверное, иначе не бывает в жизни. Впрочем, Я. Е. был счастлив с учениками. Подавляющая их часть сохранила благодарность и верность своему Учителю.

У нас был общий кумир - Я. И. Френкель. Мы оба восхищались прозрачностью его идей и простотой их доказательств.

Все, что придумывал Яков Евсеевич в науке, начиналось от зрительного образа. Уже потом это воплощалось в математике или в эксперименте. Может быть, образность видения в науке сделала Я. Е. не только ученым, но и писателем. Замечательно название его очерка о Френкеле: "Глазами ученого и художника". Я. Е. хорошо знал то, о чем писал. Его слова о Френкеле - это слова о нем самом, о Гегузине.

Я был почти уверен, что Гегузин писал и стихи. Мне казалось, что из скромности он просто не признается в этом. Но нет, Суламифь Ароновна подтвердила: Я. Е. никогда не занимался стихотворчеством. Впрочем, теперь я понимаю: его второе, художническое "Я" было органически вплетено в его творчество физика. Его эксперименты и его книги - поэтичны. Еще при жизни Я. Е. его называли последним романтиком в науке. По-моему, это первым произнес Петр Александрович Ребиндер, выступавший официальным оппонентом на той самой драматической и триумфальной защите докторской диссертации Гегузина.

К 60 - летнему юбилею Я. Е. я написал сонет, который через двадцать лет включил в книжку моих стихотворных упражнений, несколько переделав первоначальный текст, но сохранив, разумеется, посвящение Гегузину. Я позволю себе привести здесь это сочинение в его первоначальном варианте, где можно обнаружить слова Я. Е., введенные в сюжет стиха, который отражает, как мне кажется, внутренний смысл творчества Гегузина.

Якову Евсеевичу Гегузину

Хоть мозг и сердце в нас облачены
Единым телом и единым духом,
Всю жизнь - и безуспешно - ищем мы
Единство меж искусством и наукой.

Вдруг оживет глухая пустота
И засверкает гранями кристалла,
И каплями, как вешняя вода,
В снег - уплотненный - упадет растаяв...

Теперь мы знаем, почему и как,
Объединившись, интеллект и чувство
Рождают нам высокое искусство,
Запечатленное

в стихах,

в статьях,

в холстах...

Искусство как наука - ремесло.
Наука как искусство - мастерство.

Яков Евсеевич был Мастером. Его наука была сродни искусству.

У нас с Я. Е. был не только общий кумир, но и общий пророк - Илья Михайлович Лифшиц, один из создателей современной физики конденсированных тел. Все мы любовно называли его Ильмехом.

В начале семидесятых годов (я уже был доктором, у меня защитилось несколько кандидатов, словом - взрослый физик) я придумал идею неустойчивых равновесных пар вакансия - атом в междоузлии. Эта идея дорога мне до сих пор. Как всегда, я пришел к Я. Е. Мы проговорили два или три часа. Я. Е. сказал: "Володя, это ваша лебединая песнь". Мне было тогда 38 или 39, и я самоуверенно отвечивал: "Я еще живой, Яков Евсеич!". Но, наверное, Я. Е. был прав, как обычно. "Володя, это нужно рассказать Ильмеху. Напишите статью для Московских "Докладов". Обязательно и срочно". Я написал и через три дня принес ее Я. Е.. На следующее утро Я. Е. по телефону императивно требует, чтобы я был у него сегодня же. Прихожу. "Володя, не могу понять, как можно до такой степени замуровать идею в слова. Слова ведь предназначены, чтобы сделать бриллиант из неограненного алмаза, и уж никак не наоборот!.." Я переписывал статью три раза! Действительно, как ученик. Вы не поверите, Я. Е. не разрешил мне везти ее к Ильмеху. "Я повезу сам. Вы все испортите. Я вас знаю: будете мямлить и извиняться". И. М. представил эту статью в "Доклады" - с подачи Я. Е. До сих пор это одна из самых цитируемых моих статей. Я уверен, что не заставь меня Я. Е. сделать ее так, как требовало эстетическое его чувство к научному тексту и дружеское его отношение ко мне, идея не была бы замечена.

А вот совсем о другом.

Яков Евсеевич: "Володя, у вас было много женщин?"

Я что-то неопределенно промямлил... Впрочем, он вряд ли ожидал ответ. "У меня две. Суламифь Ароновна и Светка"

В жизни Я. Е. Суламифь Ароновна сыграла, может быть, определяющую роль. Закончив филфак Харьковского университета перед войной, она получила лестное предложение от одного из ведущих украинских филологов, от академика Белецкого, кажется, поступить в аспирантуру. Она была способным человеком, но отказалась от собственной карьеры и посвятила свою жизнь Я. Е.

Он имел такой тыл, что никакие жизненные столкновения не могли выбить его из седла.

Светлана. Дочь. В начале восьмидесятых Якову Евсеевичу делают в Москве сложную операцию. Все хорошо. Первый день после операции, второй. Светлане говорят, что дежурить у постели уже не нужно - все в порядке. Она, тем не менее, остается. И вот ночью на третьи сутки - неожиданный и острый кризис, с потерей сознания. Ни врачей, ни санитарок, разумеется, нет. Светлана сохранила Якова Евсеевича еще на несколько лет.

Взаимоотношения в этой семье были трогательны.

А ведь дамы всегда смотрели на Я. Е. с интересом, совсем не только как на автора теории спекания.

Банкет после какой-то конференции или диссертации. Сауна в Огре, далеко от Риги, где наша гостиница, приедем уже под утро... Я читаю стихи, не свои, а хорошие. Кружок дам вокруг меня. Конечно, я завоевывал Ее, только одну из тех, кто внимал. Появляется Я. Е. - в простыне, как в тунике, похожий на Римского сенатора. Это для меня он - как сенатор, а для молоденьких научных девушек - он как бог. "Яков Евсеевич, посидите с нами. Я тут стихи читаю. Давайте - по очереди!" Мне-то было известно, что полное собрание Твардовского у Я. Е. в голове всегда. А еще Слуцкий, Сельвинский, Тютчев... И черт меня дернул! "Яков Евсеевич, соревнование! По очереди: одно стихотворение Вы, одно я, одно Вы, одно я..." "Ну, Володя..." - он был великодушен. А мне казалось, что я тоже неисчерпаем - как атом или как Гегузин. И я ринулся в бой. На десятом стихотворении я запнулся, припоминая одиннадцатое. Я. Е. не замедлился с продолжением: очередной стих был тут же продекламирован. Дальше я проигрывал уже не по очкам. Это был нокаут. И Она была потеряна для меня: в лучшем случае, я лишь отдаленно напоминал ей Гегузину, хотя он и не воспользовался возможностями победителя в этой честной дуэли... У него были только две женщины - но навсегда.

Он был счастливый человек. Две его женщины любили его, он любил их. Он осуществил разные свои - многочисленные - способности. Он оставил по себе науку, которую сделал. Он сделал многое из того, что намеревался сделать в жизни. Он оставил после себя людей, которые ему благодарны.

А все-таки, как много деталей осталось в памяти. Наверное, просто потому, что я любил Якова Евсеевича.

Как жаль, что я не вел дневник.